

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ВОРОНЕЖ И ЮЖНЫЙ ФЛОТ

С того самого часа, как Петр вернулся в Москву, он мечтал увидеть свои корабли, которые строились в Воронеже. Пока в Преображенском продолжались пытки, пока царь с друзьями пил мрачными осенними и зимними ночами напролет, он мечтал оказаться на Дону, вместе с западными мастерами-корабельщиками, которых он завербовал в путешествии и которые как раз приступали к работе на донских верфях.

В первый раз он приехал туда в конце октября. Многие бояре, державшиеся к нему поближе в стремлении сохранить милостивое расположение царя, поехали на юг вслед за ним. Князь Черкасский, почтенный старец, чья борода избежала общей участи, остался управлять Москвой, но вскоре обнаружил, что он там не единственный представитель власти. Петр, по своему обыкновению, вверил правление не одному человеку, а сразу нескольким. Перед отъездом он также сказал Гордону: «Все оставляю на тебя» - и Ромодановскому: «Передаю пока все дела в твои надежные руки»¹.

Таков был петровский принцип организации управления в свое отсутствие: он разделял власть между многими исполнителями, отчего у каждого создавалось неясное представление о границах его полномочий, и отбывал, заведомо обрекая их на непрерывные разногла-

сия и сумятицу. При этой системе вряд ли следовало ожидать эффективного управления, но зато ни один из наместников не смог бы посягнуть на его власть. Пока истоки стрелецкого бунта оставались неустановленными, именно это заботило Петра в первую очередь.

В Воронеже, на верфях, раскинувшихся по берегам широкой, мелководной реки, Петр застал плотников, работавших пилами и стучавших молотками. Но не все шло гладко. Не хватало строительных материалов и рабочей силы, а то, что имелось, безхозяйственно расточалось. Спеша выполнить царские распоряжения, мастера использовали непросушенный лес, который в воде быстро гниет*. Приехавший из Голландии вице-адмирал Крюйс осмотрел корабли и приказал многие из них вытащить на сушу и сменить шпангоуты и обшивку. Мастера-иностранцы, каждый из которых следовал собственным проектам, без единого руководства и контроля, часто ссорились. Голландские корабельщики, которым Петр из Лондона прислал приказ работать только под надзором других мастеров, ходили мрачные и безучастные. Русские ремесленники были настроены не лучше. Вызванные указом в Воронеж учиться кораблестроению, они поняли, что, проявив излишнее усердие, можно угодить на Запад - совершенствовать свое мастерство. Поэтому многие предпочитали работать кое-как, лишь бы сошло, в надежде, что их все-таки отпустят домой.

Самые тяжкие трудности и испытания выпали на долю простых рабочих. Тысячи людей, доставленных на работы в Воронеж — крестьяне и холопы, — никогда не видавали судна больше баржи и водоема шире реки. Они приходили с собственным инструментом, кое-кто

* Проблемы, связанные с применением сырой древесины, характерны не только для русского кораблестроения. В XVII и XVIII веках средний срок службы британских военно-морских судов составлял лишь около десяти лет именно из-за использования при строительстве не просушенного леса.

439

со своими лошадьми, чтобы рубить деревья, очищать стволы от веток и сплавлять лес по рекам в Воронеж. Их держали в невыносимых условиях, среди рабочих быстро распространялись болезни, люди умирали. Многие стали убегать, и в конце концов пришлось обнести верфи заборами и поставить охрану. Пойманных беглецов секли и возвращали на работы.

Внешне Петр сохранял бодрость, но из-за медленного хода работ, повальных болезней, смертности и бегства рабочих он приуныл и почти пал духом. Через три дня после приезда в Воронеж, 2 ноября 1698 года, он писал Винуису: «Мы, слава Богу, зело в изрядном состоянии нашли флот и магазейн [склады! обрели. Только еще облак[о] сумнения закрывает мысль нашу, да не укосне-ет [не замедлится ли] сей плод наш, яко [плод] фиников, которого насаждающее дерево] не получают видеть». Позже он писал: «А здесь, при помощи Божией, препо-роторирум великой [большие приготовления], только ожидаем благого утра, дабы мрак сумнения нашего прогнан был. Мы здесь зачали корабль, который может носить 60 пушек от 12 до 6 фунтов»².

Хотя Петр тревожился, дело все же продвигалось, невзирая на то, что на верфях не было никаких технических приспособлений и все делалось при помощи ручных инструментов. Бригады рабочих с лошадиными упряжками волоком тащили стволы деревьев, затем с них обрубали сучья и ветки и доставляли бревна на верфь, к месту, где в земле были вырыты ямы. Здесь несколько человек залезали в яму, а другие, положив бревно поперек ямы на землю, придерживали его концы или даже садились верхом, чтобы удержать его в одном положении; те же, кто находились внизу, выпиливали или вырубали длинные прямые рейки или изогнутые — для обшивки корпусов. При таком методе огромное количество древесины пропадало зря, так как из одного бревна выходило всего несколько реек. Необработанную рейку передавали более искусным мастерам, которые

440

придавали ей окончательную форму и вид, работая топорами, молотками, сверлами и зубилами. Самые толстые, крепкие бревна шли на киль, который закладывали прямо на земле. Затем следовали шпангоуты, выгнутые наружу и вверх, к которым позже крепились обшивки. Наконец, бока обшивали прочными рейками, способными выдерживать напор морских волн. Потом приступали к работам на палубах, строили внутренние помещения, оснащали корабль всеми необходимыми приспособлениями, благодаря которым он становился для моряка и домом, и рабочим местом.

Всю зиму, не обращая внимания на морозы, Петр трудился вместе со своими людьми. Он ходил по верфи, переступая через засыпанные снегом бревна, — мимо кораблей, молчаливо стоявших на стапелях, мимо работников, толпившихся возле костров, чтобы согреться, мимо литейной с огромными мехами, нагнетавшими воздух в печи, где ковали якоря и металлическую оснастку. Он был неутомим и кипел энергией, приказывал, упрасивал, убеждал. Венецианцы, строившие галеры, жаловались, что им некогда сходить к исповеди — так напряженно они работают. Но флот продолжал расти. Приехав осенью, Петр обнаружил, что двадцать судов уже спущены на воду и стоят на якоре. Зима шла, и каждую неделю еще по пять-шесть кораблей сходили на воду или ждали, готовые к спуску, когда растает лед. Не довольствуясь ролью наблюдателя, Петр сам сконструировал и начал строить, исключительно силами русских мастеров, пятидесятипушечный корабль, -названный «Предестинация». Он заложил киль и упорно работал на строительстве этого корабля вместе с сопровождавшими его приближенными. «Предестинация» была красивым трехмачтовым судном в 130 футов длиной. Петр радовался, чувствуя в руках инструменты, и ему было приятно думать, что один из кораблей, которые рано или поздно выйдут под парусами в Черное море, будет создан его собственными руками.

441

В марте, когда Петр во второй раз приехал в Воронеж, его постиг тяжелый удар: умер Франц Лефорт. Оба раза, что Петр той зимой отправлялся строить корабли, Лефорт оставался в Москве. В сорок три года он не растерял, казалось, ни своей большой физической силы, ни горячности. В роли первого посла Великого посольства он выдержал полтора года торжественных приемов в Европе, и его выдающиеся способности к поглощению спиртного не покинули его и во время буйных осенних и зимних московских увеселений. Провожая Петра в Воронеж, он был в веселом, приподнятом настроении.

Но незадолго до его смерти, когда Лефорт еще жил прежней неистовой жизнью, прошел странный слух. Будто бы однажды ночью, которую Лефорт проводил у любовницы, жена его услышала страшный шум в спальне мужа. Зная, что там никого нет, но предполагая, что муж, вероятно, передумал и вернулся домой сильно не в духе, она послала узнать, в чем дело. Посланный вернулся и сказал, что никого в комнате не увидел. Однако шум продолжался и, если верить жене, «на следующий день, ко всеобщему ужасу, все кресла, столы и скамейки, находившиеся в его спальне, были опрокинуты и разбросаны по полу, в продолжение же ночи слышались глубокие вздохи»³.

Вскоре Лефорт устроил прием для двух иностранных дипломатов, послов Дании и Бранденбурга, которые отправлялись в Воронеж по приглашению Петра. Вечер очень удался, и послы засиделись допоздна. Наконец в комнате стало невыносимо жарко и хозяин, покачиваясь, вывел гостей на морозный зимний воздух - выпить при свете звезд; ни шуб, ни накидок никто не надел. На следующий день у Лефорта началась лихорадка. Быстро поднялся жар, и он впал в беспамятство: бредил, буянил, громко требовал музыки и вина. Перепуганная жена предложила послать за протестантским пастором Штумп-

442

фом, но больной закричал, что не желает никого к себе допускать. Когда Штумпф все-таки пришел,

...и стал много объяснять ему о необходимости обратиться к Богу, то Лефорт только отвечал: «Много не говорите!» Перед его кончиной жена просила у него прощения, если когда-либо » чем против него провинилась. Он ей ласково ответил: «Я никогда ничего против тебя не имел, я тебя всегда уважал и любил». ...Он особенно препоручал помнить о его домашних и их услугах и просил, чтобы им выплатили верно их жалованье⁴.

Лефорт прожил еще неделю, утешаясь на смертном одре музыкой специально присланного оркестра. Смерть настигла его в три часа утра. Головин немедленно опечатал все его имущество и отдал ключи родственнику Лефорта, одновременно отправив курьера в Воронеж к царю. Услышав эту новость, Петр выронил топор, сел на бревно и зарыдал, пряча лицо в ладонях. Голосом, охрипшим от горя, он проговорил: «Уж я более иметь не буду верного человека; он только один и был мне верен. На чью верность могу теперь положиться?»

Царь немедленно вернулся в Москву, и 21 марта состоялись похороны. Петр сам заботился об устройении церемонии: швейцарца ожидало торжественное погребение, такое грандиозное,

какого не удостаивался никто в России, кроме царей и патриархов. Иностранных послов пригласили, а боярам приказали присутствовать. Им велели собраться в доме Лефорта в восемь утра, чтобы нести тело в церковь, но многие опоздали; возникли и другие проволочки, так что лишь в полдень процессия была готова выступить. Тогда Петр, по западному обычаю, велел подать гостям обильный холодный обед. Бояре, приятно изумленные видом угощения, набросились на еду, Корб так описывает эту сцену:

... были уже накрыты столы и заставлены кушаньями. Тянулся длинный ряд чашек, стояли кружки, напол-

443

ненные винами разного рода, желающим подносили горячее вино. Русские, из которых находились там, по приказанию царя, все знатнейшие по званию, или должности, лица, бросились к столам и с жадностью пожирали яства; все кушанья были холодные. Здесь были разные рыбы, сыры, масло, кушанья из яиц и тому подобные.

[Боярин] Шереметев считал недостойным себя обжираться вместе с прочими, так как он, много путешествуя, образовался, носил немецкого покроя платье и имел на груди Мальтийский крест. Между тем пришел царь. Вид его был исполнен печали. Скорбь выражалась на его лице. Иностранные посланники, отдавая должную Государю честь, по обычаю своему, низко ему поклонились, и он с ними поздоровался с отменной лаской. Когда Лев Кириллович, встав с своего места, поспешил навстречу царю, он принял его ласково, но с какою-то медленностью; он некоторое время подумал, прежде чем наклонился к его поцелую. Когда пришло время выносить гроб, любовь к покойнику царя и некоторых других явно обнаружилась: царь залился слезами и перед народом, который в большом числе сошелся смотреть на погребальную церемонию, запечатлел последний поцелуй на челе покойника. ...Тело было внесено в реформатскую церковь, где пастор Штумпф произнес короткую речь. По выходе из церкви бояре и прочие их соотечественники, нарушив порядок, протискались, по нелепой гордости, к самому гробу. Посланники же, не подавая вида, что обижаются этим нахрапом, пропустили вперед всех москвитян, даже и тех, которые, по незнатности происхождения и должности, не имели права притязать на первенство... Когда пришли на кладбище, царь заметил, что порядок изменен и что подданные его, шедшие прежде позади посланников, очутились теперь впереди их, и потому, подозвав к себе младшего Лефорта, спросил его: «Кто нарушил порядок? Почему идут назади те, которые только что шли впереди?» Лефорт низко царю поклонился, не объясняя происшедшего. Тогда царь прика-

444

зал ему говорить, чтоб то ни было, и когда Лефорт сказал, что русские самовольно нарушили порядок, царь хотя и был этим взволнован, но произнес только: «Это собаки, а не бояре мои». Шереметев же (что должно отнести к его благоразумию) сопровождал, как и прежде, посланников, хотя все русские шли впереди. На кладбище и большой дороге были расставлены сорок орудий: три раза выпалили из всех пушек, и столько же раз каждый полк стрелял из своих ружей. Один из тех, который обязан класть заряд в дуло, стоял, по-глупости, пред отверстием орудия в то время, как должен был последовать выстрел, почему ядром и оторвало ему голову. По окончании погребения царь с солдатами возвратился в дом Лефорта, а за ним последовали все спутники, сопровождавшие тело покойника. Их уже ожидал готовый обед. Каждый из присутствующих в печальной одежде при погребении получил золотое кольцо, на котором были вырезаны день кончины генерала и изображение смерти. Едва вышел царь, как бояре тоже поспешно начали выходить, но сойдя несколько ступеней заметили, что царь возвращался, и тогда и все они вернулись с дом. Торопливым своим удалением заставили бояре подозревать, что они радовались смерти генерала, что так раздражило царя, что он гневно проговорил к главнейшим боярам: «Быть может, вы радуетесь его смерти? Его кончина большую принесла вам пользу? Почему расходитесь? Статья может, потому, что от большой радости не в состоянии долее притворно морщить лица и принимать печальный вид?»⁶

Смерть верного друга, приехавшего в Россию с Запада, была для Петра невосполнимой личной потерей. Жизнерадостный швейцарец направлял развитие своего юного друга и господина в пору его возмужания. Лефорт, неутомимый весельчак и гуляка, приучил юношу пить вино, танцевать, стрелять из лука; нашел ему любовницу и без усталости изобретал все новые и новые

445

буйные выходки, чтобы развлечь царя; сопровождал его в первых военных походах на Азов;

уговорил Петра ехать в Европу и сам возглавил Великое посольство, в составе которого был и Петр Михайлов, и это долгое путешествие вдохновило царя на желание внедрить в России технические достижения и обычаи Запада. И вот, накануне крупнейшего из деяний Петра, двадцатилетней войны со Швецией, которой предстояло превратить неуравновешенного, увлекающегося молодого царя в великого императора-победителя, Лефорт умер.

Петр сознавал, кого он лишился. Всю жизнь его окружали люди, стремившиеся обратить свой чин и власть в государстве к собственной выгоде. Лефорт был не таков. Хотя близость к государю давала ему множество возможностей разбогатеть - он мог бы добиваться милостей и брать за это взятки, — Лефорт умер без гроша за душой. Денег у него было так мало, что, пока Петр не вернулся из Воронежа, пришлось просить у князя Голицына денег, чтобы купить парадный костюм. В нем Лефорта и похоронили.

Царь оставил Петра Лефорта, племянника и управляющего своего покойного друга, у себя на службе. Он написал в Женеву и просил сына Лефорта, Анри, приехать в Россию, потому что хотел, чтобы кто-нибудь из близких его друга всегда был рядом. В следующие годы роль Лефорта играли другие. Петр всегда любил окружать себя фаворитами и наделял огромной властью. Привязанность их к царю носила, главным образом, личный характер, и власть их проистекала исключительно из близости к государю. Самым заметным из этих людей был Меншиков. Но Петр никогда не забывал Лефорта. Как-то после роскошного вечера во дворце у Меншикова, который Петр с удовольствием провел в кругу закадычных друзей, царь написал хозяину дворца, находившемуся в отъезде: «Я впервые веселился от души после кончины Лефорта»⁷.

446

А шесть месяцев спустя, словно затем, чтобы сделать последний год уходящего столетия еще более памятным в жизни Петра, судьба лишила его и второго преданного советника и друга-иностранца, Патрика Гордона. Здоровье старого солдата стало постепенно сдавать. Накануне нового, 1698 года он отметил в своем дневнике: «В этом году я ощутил серьезный упадок сил и здоровья. Но да исполнится воля Твоя, о всемилостивый Господь!» Последний раз он был на людях, у своих солдат, в сентябре 1699 года, а с октября уже не поднимался с постели. В конце ноября, когда силы быстро покидали Гордона, Петр часто навещал его. Вечером 29 ноября он приходил дважды - Гордон слабел на глазах. Во второй раз при появлении царя от кровати отступил священник-иезуит, уже давший Гордону последнее причастие. «Сиди, сиди, святой отец, - сказал Петр, - делай что нужно. Я не стану мешать». Петр обратился к Гордону, но тот молчал. Тогда царь взял зеркальце и поднес его к лицу старика в надежде заметить признаки дыхания. Их не было. «Святой отец, - сказал Петр священнику, - я думаю, он умер». Царь сам закрыл глаза умершему и покинул дом, едва сдерживая слезы⁹.

Гордону тоже устроили торжественное погребение, на котором присутствовали все московские сановники. Русские пришли охотно — все ценили старого воина за верную службу трем царям и заслуги перед государством. Его гроб несли двадцать восемь полковников, и двадцать самых высокородных дам сопровождали вдову в траурной процессии. Когда гроб Гордона поместили в склеп рядом с алтарем церкви, снаружи дали салют из-двадцати четырех орудий.

Петр скоро ощутил, какую понес утрату - и для дела, и для души. Гордон был самым талантливым военачальником в России, приобрел значительный опыт

447

во многих кампаниях. Как бы пригодился такой командир и советник в приближавшейся войне со Швецией! Будь он жив — и разгрома под Нарвой, всего через год после его кончины, вероятно, не произошло бы. Да и в застолье Петру недоставало седого шотландца, который преданно старался угодить своему повелителю и пил, не отставая от людей вдвое моложе его. Недаром опечаленный Петр сказал: «Государство лишилось с ним ревностного и мужественного слуги, который благополучно выводил нас из многих бед»¹⁰.

К весне флот был готов. Восемьдесят шесть судов всех размеров, включая восемнадцать военных морских кораблей, которые несли от тридцати шести до сорока шести пушек, спустили на воду. Кроме того построили пятьсот барж для перевозки живой силы, продовольствия, боеприпасов и пороха. 7 мая 1699 года этот флот вышел из Воронежа, и прибрежным донским селениям открылся замечательный вид: мимо, вниз по реке, проплывала

под всеми парусами целая армада. Номинальное командование возложили на адмирала Головина, а реально командовал флотом вице-адмирал Крюйс. Царь взял на себя роль шкипера сорокачетырехпушечного фрегата «Апостол Петр».

Однажды, когда вереница кораблей двигалась вниз по Дону, Петр увидел, как на берегу какие-то люди собираются варить себе на обед черепах. Большинству русских даже мысль о том, что можно есть черепаху, была противна, но Петр, со свойственным ему любопытством, попросил, чтобы и ему дали попробовать. Его спутники за обедом отведали новое блюдо, не зная, что это такое. Они подумали, что едят курицу, и с удовольствием очистили свои тарелки, после чего Петр велел слуге внести «перья» этих кур. Увидев черепаший панцирь, большинство расхохоталось, двоим сделалось дурно.

Петр прибыл в Азов 24 мая, приказал флоту встать

448

на якорь на реке и сошел на берег осмотреть новые укрепления. Необходимость в этих укреплениях была очевидна: той весной орда крымских татар опять огнем и мечом пронеслась к востоку по южной Украине и приблизилась к самому Азову, оставляя за собой разоренные поля, выжженные хутора, деревни, обращенные в пепелища, обездоленных людей. Петр остался доволен азовской крепостью и отправился дальше в Таганрог, где полным ходом углубляли дно бухты и строили новую военно-морскую базу. Когда подошли все суда, царь вывел их в море, и начались учения с флажными сигналами, артиллерийские стрельбы и маневрирование. Учения длились почти весь июль и завершились потешной морской батальей наподобие той, что Петр видел в Голландии, в бухте Эй.

Итак, флот был построен, и перед Петром встал вопрос, как быть дальше. Он создавался для войны с Турцией, чтобы пробиться в Черное море и оспорить право султана распоряжаться в этом море, как в «турецком озере». Но положение изменилось. В Вене вот-вот должны были начаться переговоры между союзниками по антитурецкой коалиции - Австрией, Польшей, Венецией и Россией — и частично побежденными турками. Прокофий Возницын, опытный дипломат, находился в Вене, чтобы на переговорах выторговать для России как можно более выгодные условия. Мирный договор мог, судя по всему, лишь закрепить передачу земель, захваченных у Турции на момент подписания, новым хозяевам. Поэтому Петр был заинтересован в продлении войны, хотя бы ненадолго. Он хотел возобновить военные действия, поскорее захватить Керчь и получить тем самым выход в Черное море. Именно для этого царь так тяжело трудился всю зиму, торопясь построить флот.

Когда наконец собрался мирный конгресс в Карло-вице под Веной, Возницын настаивал на том, чтобы представители союзных держав не шли на заключение мира, пока требования России не будут полностью удов-

449

летворены. Но у других стран были свои интересы, и они перевесили. Австрийцы уже добились возвращения себе всей Трансильвании и большей части Венгрии. Венеция должна была сохранить свои завоевания в Далмации и на побережье Эгейского моря, а Польша — некоторые районы к северу от Карпат. Английский посол в Константинополе, получивший инструкцию приложить все возможные посреднические усилия ради достижения мира, чтобы высвободить Австрию для предстоящей борьбы с Францией, уговаривал измотанных турок не скупиться на уступки. Те нехотя согласились уступить России Азов, но наотрез отказались расставаться с теми землями, которые, как Керчь, не были у них фактически отвоены. Возницын, оказавшийся в одиночестве и не поддержанный союзниками, мог только не соглашаться подписать общий договор. Зная, что Петр пока не в состоянии в одиночку атаковать турок, он предложил им заключить перемирие на два года. За это время царь мог бы подготовиться к серьезным наступательным операциям. Турки приняли предложение. В письме к Петру Возницын высказал идею воспользоваться перемирием, чтобы отправить посла прямо в Константинополь. Там посол мог бы попробовать путем переговоров достичь того, чего Россия до сих пор не могла и, казалось, вряд ли смогла бы в будущем, добиться военной силой.

Все это случилось зимой 1698-1699 года, когда Петр строил свой флот в Воронеже. Теперь флот стоял наготове в Таганроге, но из-за перемирия с Турцией применить его в деле было невозможно. Поэтому Петр решил принять предложение Возницына. Он назначил Емельяна

Украинцева, убеленного сединами руководителя Посольского приказа, чрезвычайным послом и велел ему ехать в Константинополь и вырабатывать условия мира с Турцией. И в этих планах нашлось скромное место для русского флота: его отрядили сопровождать посла до Керчи, откуда посол должен был проследовать в турец-

450

кую столицу на самом большом и красивом из новых петровских кораблей.

5 августа двенадцать русских судов — все под началом иностранцев, кроме фрегата, где шкипером был Петр Михайлов — вышли из Таганрога в сторону Керченского пролива. Турецкого пашу — командира крепос-ти, пушки которой простреливали пролив между Азовским и Черным морями, — застали врасплох. В один прекрасный день он услышал салют корабельных орудий и, кинувшись к крепостному парапету, увидел русскую эскадру у себя под стенами. Петр потребовал, чтобы через пролив пропустили единственный русский корабль, сорокашестипушечный фрегат «Крепость», следовавший в Константинополь с царским послом на борту. Паша расчехлил было орудия и отказался пропустить «Крепость» на том основании, что не получал соответствующих указаний из столицы. Петр пригрозил в таком случае прорваться силой — и тут как раз к его военным судам присоединились галеры, бригантины и барки с солдатами на борту. Через десять дней паша уступил, но поставил условием, что русский фрегат будут сопровождать четыре турецких корабля. Царь повернул назад, а «Крепость» прошла Керченским проливом. Когда она вышла в Черное море, ее капитан-голландец ван Пам-бург поднял все паруса и скоро оставил за горизонтом турецкий эскорт.

Это была историческая минута: впервые русский военный корабль под флагом московского царя свободно плыл по Черному морю. На закате 13 сентября русский корабль показался у входа в Босфор. Константинополь был удивлен и потрясен. Однако султан повел себя с достоинством. Он направил Украинцеву приветствие и поздравления и выслал шлюпки, чтобы доставить посла и спутников на берег. Но посол не пожелал покинуть корабль и просил разрешения войти на нем в Босфор и прибыть прямо в город. Султан согласился, и «Крепость» поплыла по Босфору и, наконец, бросила якорь

451

в бухте Золотой Рог, прямо напротив султанского дворца на мысе Сарайбурну, перед носом у избранника Аллаха. Девять веков минуло со времен расцвета великой христианской Византийской империи, и за все это время под стенами Константинополя не приставал ни один русский корабль.

Турки смотрели на «Крепость», не веря своим глазам, не только из-за неожиданного появления русского фрегата, но и из-за его размеров. Они не могли взять в толк, как удалось построить такое большое судно на мелководном Дону; впрочем, их несколько успокоили собственные кораблестроители, предположившие, что русское судно, скорее всего, плоскодонное и потому в открытом море будет неустойчиво при пушечной стрельбе.

Принимали Украинцева пышно. Несколько высших должностных лиц ожидали его на пристани, ему подвели великолепного коня и препроводили в роскошную приморскую виллу для гостей. Затем, в соответствии с распоряжением Петра как можно нагляднее продемонстрировать новоявленную военно-морскую мощь России, «Крепость» открыли для посетителей. К ней подплывали сотни лодок, и на борту кишели толпы людей всех сословий. Наконец явился и сам султан со свитой турецких капитанов, которые подробнейшим образом осмотрели корабль.

Пребывание посольства проходило спокойно, хотя не знавший меры капитан-голландец однажды едва не погубил и самого себя, и вообще всю дипломатическую миссию. Он принимал на борту знакомых англичан и голландцев, и пирушка затянулась за полночь. Затем, отправляя гостей на берег, он вздумал дать в их честь холостой залп из всех сорока шести орудий. Пальба прямо под стенами дворца перебудила весь город, включая и султана, который подумал, что это сигнал для всего русского флота к началу нападения с моря. Наутро рассерженные турецкие власти приказали захватить фрегат и арестовать капитана, но ван Памбург пригрозил

452

взорвать судно, как только первый турецкий солдат ступит на палубу. В конце концов, после

многих извинений и обещаний больше не допускать подобных проступков, инцидент удалось загладить.

Тем временем, впрочем, турки вовсе не спешили уладить дела с Украинцевым. До самого ноября, целых три месяца с приезда русского посла в Константинополь, они оттягивали начало переговоров. Затем Украинцеву пришлось провести двадцать три заседания со своими османскими партнерами, пока, наконец, в июне 1700 года был достигнут какой-то компромисс. Поначалу Петр питал большие надежды. Он рассчитывал сохранить за собой Азов и крепости в низовьях Днепра, то есть, опорные пункты, уже завоеванные русской армией. Он добивался свободы торгового (не военного) судоходства по Черному морю. Он просил султана запретить крымскому хану набеги на Украину и лишить его права взимать с Москвы ежегодную дань. Наконец, он хотел, чтобы в Порте находился постоянно аккредитованный посол России, поскольку Британия, Франция и другие державы уже имели здесь свои представительства, и чтобы православное духовенство пользовалось особыми привилегиями в Иерусалиме, у Гроба Господня.

Турки месяцами уклонялись от определенных ответов, так как из-за мельчайших деталей будущего соглашения возникали пререкания, споры и задержки. Украинцев почувал, что другие дипломатические представители в Константинополе — австрийцы, венецианцы, англичане, не говоря о французах, вознамерились всячески препятствовать его миссии, чтобы не допустить слишком тесного сближения России и Османской империи. «От послов цесарского, английского, венецианского, — жаловался Украинцев в донесении Петру, — помощи мне никакой нет, и не только помощи, не присылают даже никаких известий. Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону, и больше хотят всякого добра туркам, нежели тебе,

453

великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельска; думают, что от этого будет им в их морской торговле помешка». Крымский хан и того пуще жаждал помешать соглашению. «Царь, - писал он султану, своему хозяину, - разрушает старинные обычаи и веру своего народа. Он все переиначивает на немецкий манер и создает мощную армию и флот, тем самым всем досаждая. Рано или поздно он погибнет от рук своих же подданных»".

В одном вопросе турки и сами держались непреклонно и не нуждались в подстрекательстве со стороны западноевропейских послов или татарских князьков: они наотрез отказали Петру открыть доступ в Черное море для каких бы то ни было русских судов. «Черное море и его побережье подвластно одному турецкому султану, — сказали они Украинцеву. — С незапамятных времен ни один чужой корабль не входил в его воды и не войдет никогда... Оттоманская Порта охраняет Черное море, как чистую, непорочную девицу, коснуться которой не смеет никто, и султан скорее позволит посторонним вступить в свой гарем, чем согласится на то, чтобы иностранные суда плавали по Черному морю»¹². В общем, сопротивление турок оказалось слишком упорным. Войну они в целом проиграли, но сейчас, имея дело с одной Россией, стояли на своем и ничего не уступали сверх уже понесенных ими потерь. Петру не терпелось завершить переговоры, потому что на севере, на Балтике, перед ним открывались более заманчивые возможности. Заключенное в итоге соглашение, именуемое Константинопольским мирным договором, означало, в сущности, не окончательный мир, а тридцатилетнее перемирие, которое не сняло никаких претензий, оставило открытыми все вопросы и предполагало, что по его истечении, если перемирие не будет продлено, война возобновится¹³.

Условия его представляли собой некий компромисс.

454

Россия получила Азов и полосу длиной в десять дневных переходов от его стен. Однако крепости в низовьях Днепра согласились скрыть, а земли вернуть в турецкое владение, Через всю Украину с востока на запад протягивалась ненаселенная и, по идее, демилитаризованная зона, от-деляющая земли крымских татар от петровских владений. От претензий на Керчь и на доступ в Черное море русские отказались заранее.

В отношении статей договора, не касавшихся территориальных проблем, Украинцев добился более крупных успехов. Турки дали неофициальное обещание облегчить православным

христианам доступ в Иерусалим. Отказ Петра впредь платить дань крымскому хану был принят. Это привело в ярость тогдашнего хана, Девлет-Гирея, но застарелый источник раздражения наконец был уничтожен и более к этому вопросу не возвращались даже после разгрома, который Петр потерпел через одиннадцать лет на Пруте. Кроме того, Украинцев добился для России серьезной, по мнению Петра, уступки: права держать в Константинополе постоянного посла на равных основаниях с Англией, Голландией, Австрией и Францией. Это был важный шаг к цели Петра — добиться, чтобы Россию признали крупной европейской державой. Сам Украинцев и остался на Босфоре в качестве первого постоянного царского посла в иностранном государстве.

Как это ни парадоксально, заключение тридцатилетнего перемирия с Турцией едва не перечеркнуло громадные усилия, потраченные на строительство флота в Воронеже. Задолго до истечения тридцати лет пришлось бы распустить судовые команды, да и дерево бы сгнило. Однако в то время Петр, конечно, считал перемирие лишь временной задержкой. Правда, главной его целью уже становилась Северная война со Швецией, но тем не менее, все его начинания на юге — в Воронеже, Азове и Таганроге — лишь приостановились, но не замерли окончательно. Пока Петр был жив, он никогда не расставал-

455

ся с мыслью о прорыве в Черное море. А потому, к великой досаде турок, корабельное строение в Воронеже продолжалось, новые суда спускались в Таганрог, а стены Азова вырастали все выше.

История распорядилась так, что южный флот Петра ни разу не участвовал в бою, а мощные стены Азова никто не штурмовал. Судьба кораблей и города решалась не в морских сражениях, как рассчитывал Петр, а в сухопутных баталиях в сотнях миль к западу. Когда Карл XII вторгся в глубь России и искал союза с Турцией в месяцы накануне Полтавы, флот в Таганроге послужил одной из сильнейших карт Петра, позволивших склонить турок и татар к невмешательству. В те критические месяцы весной 1709 года Петр срочно усилил южный флот и удвоил количество войск в Азове. В мае, за два месяца до исторической Полтавской битвы, он сам побывал в Азове и Таганроге и провел маневры флота, пригласив наблюдателем турецкого посла. Султан, на которого доклад посла произвел сильное впечатление, запретил крымскому хану Девлет-Гирею вести свою многотысячную татарскую конницу на подмогу Карлу. Одно это доказывает, что силы и средства на строительство флота в Воронеже были потрачены не зря.